

Чжан Шу достал булочки. Они были начинены зеленью с добавлением шкварок. Продавец не скупился, тесто было не тонким, и каждая булочка была размером с кулак взрослого мужчины. Двух штук хватало, чтобы наесться.

Юй Сяолю, как самый младший, видя, что все голодны и хотят пить, сам вызвался сходить за водой к горному источнику.

Съев ароматные булочки и запив их холодной, сладкой горной водой, все почувствовали, что силы вернулись.

Насытившись, кто-то начал расспрашивать Чжан Шу:

— Эй, парень, чем ты занимался в той бакалейной лавке?

Чжан Шу улыбнулся.

— Ну, таскал, носил, что нужно.

— Сколько платили в день?

— Примерно как вам.

Чжан Шу по-прежнему отвечал спокойно, видя, что они удовлетворены, и с облегчением вздохнул.

Когда этих людей нанимали, он стоял рядом и слышал, что нанимали обычных людей. К тому же перед праздником в городе было много желающих подработать. В основном платили двадцать медных монет с питанием и жильем или двадцать пять без. Если бы они узнали, что Чжан Шу получал сорок монет в день с питанием и жильем, неизвестно, что бы они подумали!

В любом случае о зарплате лучше знать только самому.

Отдохнув, все снова отправились в путь. Шли с остановками и к ужину наконец вернулись в деревню.

Бабушка Чжан весь день стояла у двери, выглядывая наружу. Хотя она знала, что Чжан Шу сегодня вернется, она боялась, что его что-то задержит или он столкнется с опасностью в пути. Ее сердце было полно тревоги.

Увидев издали двух человек, идущих к дому, бабушка Чжан обрадовалась. Она хотела выйти встретить, но вспомнила, что еще не поставила еду на стол, и Чжан Шу, проголодавшись, не сможет сразу поесть. Она оказалась в затруднительном положении.

Пока она колебалась, Чжан Шу подошел ближе и, увидев ее у двери, крикнул издали:

— Бабушка, я вернулся!

— Вернулся, и хорошо! Вернулся!

Бабушка Чжан внимательно осмотрела его, не отводя глаз.

— Ох, похудел!

Чжан Шу рассмеялся.

— Бабушка, я был в отъезде всего шесть-семь дней.

— Разве может быть на чужбине лучше, чем дома? Ты точно похудел. Иди внутрь, поешь, потом помойся и отдохни как следует.

Бабушка Чжан похлопала Чжан Шу по спине, чтобы он зашел.

За обеденным столом Чжан Шу жадно ел. За несколько дней он успел соскучиться по домашней еде.

Дедушка и бабушка Чжан смотрели на него с теплой улыбкой. Они почти не ели, только наблюдали, как он наслаждается едой.

Сейчас в доме остались только они вдвоем. Когда Чжан Шу уехал, им стало очень одиноко. Раньше, когда жили второй сын и его супруг, в доме хоть какая-то жизнь была. Но они не хотели, чтобы второй сын возвращался, просто думали, что пора устроить личную жизнь Чжан Шу.

— Ашу, твоя любимая — это Ли Муцзинь? — вдруг спросил дедушка Чжан.

— ...кх-кх...

Чжан Шу подавился едой, лицо покраснело. Он вскочил из-за стола, громко кашляя.

Бабушка Чжан ударила дедушку и тут же подошла похлопать Чжан Шу по спине.

— Дедушка, почему ты вдруг об этом спросил?

— Просто думаю, ты уже взрослый, пора жениться. Мы с бабушкой не знаем, сколько нам осталось, а ты пораньше обзаведешься семьей, и мы сможем помочь с детьми.

Дедушка Чжан редко говорил так много.

Чжан Шу вспомнил, что его дедушка и бабушка умерли, когда ему было двадцать шесть. Сейчас ему восемнадцать, и у них впереди еще восемь лет. Эта мысль вызвала у него грусть, и глаза наполнились слезами.

— Дедушка, бабушка, я люблю Муцзиня, я хочу взять его в супруги.

Чжан Шу открыто признался в своих чувствах перед дедушкой и бабушкой.

— Хорошо, после Пятнадцатого августа я приглашу свата, возьму подарки и пойду в дом Муцзиня сватать.

Для девушек приглашают сваху, а для парней — свата.

Чжан Шу почувствовал жар в груди. Его заветное желание, которое он вынашивал две жизни, наконец сбывалось! Ему так хотелось увидеть маленького Муцзиня и высказать все, что накопилось в сердце!

После ужина, помывшись и улегшись в свою кровать, Чжан Шу не смог успокоиться, его волнение только усиливалось. Он выглянул наружу: дедушка и бабушка уже легли спать. Не в силах сдержать себя, он тихонько перелез через низкую стену двора.

За две жизни он никогда не делал ничего подобного, и его сердце колотилось как бешеное, боясь, что кто-то увидит. Но это было излишне, ведь в деревне, чтобы сэкономить на масле для ламп, все ложились спать очень рано, и на улице уже никого не было.

Ночная дорога была окружена тьмой, только изредка раздавались звуки насекомых и шелест ветра в лесу, что создавало немного жутковатую атмосферу.

Но у Чжан Шу в голове была только одна мысль, и он не обращал внимания на окружающее. Даже если бы заметил, он бы не придавал значения. В прошлой жизни, будучи призраком, он убедился, что в мире больше нет других призраков. После смерти все перерождаются, и никто не остается в мире живых. А если кто-то и остается, то это такие же беспомощные призраки, как он, ведь люди могут быть куда страшнее призраков.

Добравшись до дома Ли Муцзиня, он столкнулся с проблемой. Дом Ли Муцзиня находился в конце деревни, у подножия горы, где было много диких зверей. Чтобы защититься от них, забор был построен очень высоким. С его скромными навыками, даже если бы он перелез через забор, его бы сразу схватили Ли Янь или тятя Ли.

Чжан Шу обошел забор несколько раз, и его горячее сердце немного остыло. Он подошел к той части забора, что была ближе к комнате Ли Муцзиня, и начал подражать кукушке. Звук "ку-ку" раздался в тишине ночи, звуча особенно отчетливо.

Ли Муцзинь ворочался в постели. Было еще рано, и он никак не мог уснуть. Его мысли были заняты одним человеком, и он знал, что тот должен был вернуться сегодня, ведь завтра был праздник.

Вдруг он насторожился, будто услышал что-то знакомое, но тут же усомнился.

Ли Муцзинь посмеялся над собой. Наверное, он так сильно скучал по Чжан Шу, что начал слышать их "секретный сигнал".

Закрыв глаза, он попытался уснуть, но звук кукушки был слишком реальным. Настолько реальным, что он не мог списать это на фантазию.

Резко вскочив с кровати, Ли Муцзинь тихонько вышел из дома. Следуя за звуком, он подошел к забору и легонько постучал два раза.

Чжан Шу, который хотел лишь утолить тоску по любимому, надеясь, что Ли Муцзинь услышит его, был поражен, когда тот действительно откликнулся. Это было настолько невероятно и счастливо, что он едва мог поверить.

Два молодых человека, разделенные стеной, обменивались звуками: один — "ку-ку", другой — стуком по стене. Никто не говорил ни слова, наслаждаясь моментом душевного единства.

...

Ли Янь перевернулся на другой бок, накрыл голову подушкой и фыркнул:

— Два дурака!

Затем он закрыл глаза, стараясь уснуть.

Пятнадцатое августа, праздник, когда каждая семья ждет воссоединения. Если кто-то живет

отдельно, обычно возвращается в родительский дом, чтобы провести время вместе.

Чжан Шу и его дедушка с бабушкой молчаливо не упоминали об этом, потому что второй сын Чжан точно не вернется. Тогда все закончилось скандалом, и ни одна сторона не хотела унижаться, чтобы восстановить отношения.

В уезде Аньпин изначально не было традиции есть лунные пряники на Пятнадцатое августа. Но после открытия торговых путей этот обычай пришел из других мест, и люди начали покупать лунные пряники, хотя сами их не готовили.

В семье Чжан не покупали лунные пряники. У них была традиция есть пирожные с османтусом и пить вино с османтусом в этот день.

Османтус рос у них в саду. Маленькие золотистые цветы прятались среди листьев, время от времени источая сладкий аромат, который приносил ощущение счастья.

Когда Чжан Шу вернулся, на дереве осталось немного цветов. Большую часть бабушка Чжан уже стряхнула и приготовила пирожные и вино.

После скромного обеда кто-то позвал дедушку Чжан.

У них был обычай на Пятнадцатое августа — сжигать башню. Башня была сплетена из соломы, и на каждом уровне клали еду, чтобы подношение богу урожая.

Дедушка Чжан, как старейшина деревни, конечно, должен был участвовать в плетении башни.

<http://bllate.org/book/16721/1537412>